

Таким образом, при помощи РАС процесс «выявления арсенала мест памяти» может обрести столь желанную независимость от сознания исследователя.

Таким образом, тема «ИС в АВС», контуры которой представлены в настоящем докладе, отличается от темы «ассоциативный эксперимент с ИС», или «ассоциативная семантика ИС», поскольку она предполагает изучение ИС не только как стимулов, но и как реакций. При всем наблюдаемом интересе к ИС как носителям культурной памяти (прецедентные имена), такой взгляд нельзя считать единственным возможным вариантом когнитивного подхода к ономастическому материалу. Поскольку РАС – это модель сознания человека, то, используя понятие когнитивной ситуации, можно выявить их типы и установить, в качестве каких компонентов ИС в них выступают, а также сравнить с аналогичными ситуациями для нарицательных имен. Такое исследование может служить вкладом в еще не сформировавшуюся, но уже готовую это сделать когнитивную оноματοлогию.

Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М., 1999.

Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Караулов Ю. Н., Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Русский ассоциативный словарь. Т. 1. От стимула к реакции. М., 2002. С. 750–782.

Burgess C., Conley P. Representing Proper Names and Objects in a Common Semantic Space: A Computational Model // *Brain and Cognition*. 1999. V. 40. P. 67–70.

Cohen G. Why is it difficult to put names to faces? // *British Journal of Psychology*. 1999. V. 81. P. 287–297.

Я. Влаич-Попович

Белград (Сербия)

Об обозначениях этажа в славянских языках

В настоящей работе анализируются наименования этажа в славянских языках. Особое внимание уделяется сербскому термину *спрат*, выделяющемуся как на славянском фоне (формально и семантически), так и в рамках самого сербского языка, поскольку в последнем отсутствуют лексико-семантические связи, позволяющие найти для этого слова убедительную этимологию. При рассмотрении данного термина не только решается вопрос о его происхождении, но и разрабатывается методика этимологизации слов такого типа.

1. Большое количество и разнообразие обозначений этажа в славянских языках можно интерпретировать как естественное отражение того внелингвистического факта, что древние славяне жили не в этажных домах, а в землянках, и что они довольно поздно, после разделения славянского языкового сообщества, начали строить более сложные здания. Иногда названиями этажа становились обозначения отдельных частей строений (например, стрехи, стропил, потолка и т. п.), а в ряде случаев наименование заимствовало вместе с заимствованием новой реалии. По этой же причине и в каждой форме существования языка (литературном языке,

социолектах и диалектах) нет единого обозначения этажа, а их многообразие отражает различные пути и эпохи влияния других языков.

Типологически обозначения этажей, как и некоторые другие строительные и ремесленные термины, можно разделить на три (четыре) группы: а) заимствованные названия (например, в рус. галлицизм *этаж*, в хорв., болг. турцизм *кат* и т. д.); б) древние исконные названия, как правило ограниченного, необщеславянского ареала, указывающего на то, что перед нами праславянский диалектизм: например, юго-западный и северо-западный (ср. серб. диал., чеш., польск., рус. диал. континуанты праслав. *pětro), южный (ср. ст.-слав., болг. континуанты праслав. *strop 'потолок'); в) исконные названия неизвестной древности, имеющие узкий ареал, локальные формы и даже, возможно, являющиеся кальками с иноязычных источников (укр. *поверх*, словац. *poshodi* и др.); г) названия неизвестного происхождения (серб. *спрат*).

2. Обратимся к названиям последней группы. При отсутствии внешнего источника заимствования или калькирования наиболее перспективным оказывается поиск связей внутри самого сербского языка.

2.1. Прежде всего следует отказаться от попытки истолковать термин *спрат* как результат метатезы согласных в частично синонимичном ему сущ. *спрон*, поскольку адекватно не объяснены причины изменений, не определена территория, где оно происходило, а также субстратный язык, давший импульс изменению, например: «с наклоном на не к у ријеч», «преко не ко г облика... као у далматороманском», «вокализам *о > а* може представљати утјецај не ко г супстрата» и т. д. [см.: Руталес, 2003, 244–245], там же – исчерпывающая история вопроса].

2.2. Название *спрат* функционирует в широком ареале штокавского наречия сербского (и хорватского) языка и отсутствует в кайкавском и чакавском диалектах. Его семантика всегда ограничена одной и той же реалией, деривация на его основе стандартна и почти минимальна (*спратни*, *спратност* и др.), метафоры – банальны.

2.3. Тот факт, что слово не представлено в словаре («Српски рјечник») Вука Караджича, является значимым не только для определения времени его возникновения, но и его природы: *спрат* является ненародным словом, функционирующим в герцеговинских говорах, которые легли в основу литературного сербского языка. Между тем это не исключает возможности его возникновения в иной части сербской территории, где *спрат* победил в конкуренции с турцизмом *кат*.

2.4. В формальном плане сущ. *спрат* можно соотнести единственно с созвучным ему глаголом *спратити* (*се*) 'поместиться'. Этимология этого глагола до сих пор не совсем ясна, однако при внимательном рассмотрении семантики кажется возможным его родство с гл. *пратити* '(по)сылать, сопровождать' (< праслав. *portiti).

2.5. Учитывая совпадение ареалов глагола и имени, а также возможное отглагольное происхождение существительного, необходимо объяснить, каким образом осуществлялась семантическая специализация отглагольного *nomen loci* в *terminus technicus*, проявившаяся около двух веков назад (первая письменная фиксация относится к 1815 г.).

2.5.1. К сожалению, непосредственной семантической параллели данному сдвигу значения нет. Большинство известных нам славянских и неславянских названий этажа связаны с семантикой потолка: они воплощают идею покрытия, крыши как

через соответствующую глагольную семантику (слав. *peti, *рьно > *petro), так и через именные репрезентации – ‘палка, доска’, ‘ребро’ (нем. *Stock*, *Stockwerk*, греч. *ῥοφος* < *ῥέφω*, в конечном счете имеющие значение ‘ребро’) и т. д.

2.5.2. Мы предполагаем, что серб. *спрат* как дериват глагола *спратити* – хотя и является формальным и ономаσιологическим гапаксом на славянском уровне – в рамках сербского языка объясняется при помощи мотивационной параллели, представленной в синонимичной паре *спремити* > *спрем(ни)ца*. Это слово воплощает идею помещения вещей на чердак (в противоположность подвалу).

Putanec V. Etimološki prinosi (27–35) // Razprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje. 29. Zagreb, 2003. S. 225–258.

Т. В. Володина

Минск (Белоруссия)

Телесные девиации в этнокультурном тексте

В этнокультурных представлениях и в речи, прежде всего диалектной, телесные девиации (слепота, глухота, немота, горбатость, кривизна, лысина) имеют сходные смысловые свойства и включаются в подобные культурные контексты. К ним примыкают и в отдельных случаях соединяются с ними наименования переменных признаков человека (нагота, босота, чрезмерное оволосение и т. д.), которые в русле мифопоэтической аксиологии также приобретают черты оценочных и нормативных. Как правило, отступление от нормы вызывает повышенный интерес и соответствующий всплеск языковой активности. Особое же значение приобретает тот факт, что любое нарушение нормы в народных представлениях понимается как отклонение в сторону «чужого» в противовес «своему», т. е. нормативному, освоенному (усвоенному, присвоенному). Это же «чужое» может конкретизироваться как опасное, демоническое, темное, злое.

Моделирующая функция телесной ущербности в этносемиотической перспективе чрезвычайно актуальна и продуктивна. Актуализация физической неполноценности начинает применяться для характеристики человека здорового физиологически, но имеющего определенные особенности в плане поведения и отдельных характеристик личности. Так, для наименования человека с социально неприемлемым поведением употребляются наименования семантического поля девиаций: слепота – бел. диал. *пулусьвет* ‘одноглазый’ и ‘развратный’; рус. диал. *близорукий* ‘назойливо ухаживающий за женщиной’; глухота – бел. *глушэц* ‘равнодушный человек’; босота как одна из составляющих «наготы асоциальной» – бел. *басятніцаць* ‘вести себя распушенно’, рус. диал. *босойга* ‘негодная женщина’, *босовик* ‘развратник’; пол. *bosówka* ‘девушка, родившая вне брака’; лысина – бел. *Калі ўродзіцца з лысінкай, дык і памрэ з лысінкай; і ні лысы* ‘прикидываться невиноватым’; *На Барыса баба лыса* и др.